

НА ИЗЛЁТЕ ДИГЛОССИИ: А.А. БАРСОВ О ВАРИАНТАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Статья посвящена малоизученному периоду в истории русского нормированного произношения — установкам, содержащимся в трудах проф. А.А. Барсова, главным образом в его изданной в недавнем прошлом «Российской грамматике» 1783–1788 гг. В борьбе сакрального и светского начал в культуре неизбежно проявлялась вариативность произношения, которая требовала нормализации. В этом А.А. Барсов показал себя учеником и последователем В.К. Третьяковского и М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: диглоссия в России в XVIII в.; Антон Алексеевич Барсов; наблюдения над живым русским (автохтонным) произношением в XVIII в.; консервативные установки в книжном произношении в XVIII в.

Петровские реформы, секуляризация светской и духовной словесности, зарождение и развитие наук в новом понимании давали возможность выбрать, отдать предпочтение церковнославянскому или живому («нежному») русскому языку. Одним из первых, кто выбрал природно русский язык, как он его понимал, в качестве языка художественной литературы, был В.К. Третьяковский (1730 г., перевод драгоценного романа П. Талемана «Езда в остров любви»).

Значительные систематизированные сведения о живом русском (московском) произношении первыми привели В.К. Третьяковский в «Разговоре об орфографии» и М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» 1757 г. и в других трудах.

Спустя два десятилетия ученик Ломоносова А.А. Барсов получил возможность подробного описания фонетических вариантов в «употреблении», и оказалось, что его «Российская грамматика» 1783–1788 гг. явилась интереснейшим сводом в этой области. Описание фонетики и произносительных вариантов было приблизительно десятой частью очень большой работы — наиболее полного описания морфологии, синтаксиса, словообразования, правил художественного чтения и т.д. — «Российской грамматике» А.А. Барсова, профессора императорского Московского университета, помогавшего также становлению этого высшего учебного заведения, ученика В.К. Третьяковского и М.В. Ломоносова по академическому университету в Санкт-Петербурге (там же в 1748–1753 гг. обучался отец Антона Алексеевича Алексей Степанович).

То, что написал А.А. Барсов, в соответствии с логикой учёного, — огромное научное исследование по русскому языку, у него получилось вместо учебника для народных училищ, заказанного ему комиссией императрицы Екатерины II. По замыслу комиссии, это должно было быть компактное школьное пособие, и поначалу заказ был сделан однокласснику отца Антона Алексеевича — Алексея Степановича — по академическому университету в Санкт-Петербурге (1743–1748) В.П. Светову, который скончался в самом начале работы над учебником [16: с. 200–201; 29: с. 628 и след.]. Комиссия не случайно после В.П. Светова остановилась на кандидатуре проф. Барсова: в филологических кругах профессор Барсов был уже известен работой «Азбука церковная и гражданская с краткими примечаниями о правописании» (1768 г.), а позже пособием, выдержавшим многочисленные издания, — «Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях имп. Московского университета» (обе работы вышли анонимно, но авторство их установлено точно — см. [12: с. 68] и др.).

Испуганная размером и оригинальностью «Российской грамматики» Барсова, комиссия не стала её издавать, хотя автор в сопроводительном письме извещал заказчиков о том, что «пространнейшие объяснения» могут издаваться «для преуспевших более и, может быть, для самих учителей» [29: с. 643]. Не соразмерил ли Барсов своих усилий по сравнению с поручением, виновата ли была правительственная инстанция, торопившаяся издать, согласно императорскому указу, компактный учебник для школьников, — словом, случилась еще одна драма в русистике: обширная рукопись А.А. Барсова, скончавшегося через 3 года после завершения своей «Российской грамматики», пролежала (в Москве и Санкт-Петербурге) неизданной около 200 лет. А между тем классик русской фонетической науки 2-ой половины XX века профессор М.В. Панов назвал А.А. Барсова одним из самых замечательных филологов XVIII в. [17: с. 350]. Барсов, как и Ломоносов (а до него и Адодуров), определили вехи в развитии грамматической мысли и в кодификации общепринятой русской речи. Все три автора, наряду с филологией, профессионально занимались естественными науками, что способствовало их самостоятельному взгляду на языковые факты, отказу от слепого следования греко-латинской грамматической традиции (см. о последней [12: с. 4–39]).

Барсов, относившийся к Ломоносову с глубоким пиететом, отнюдь не был его эпигоном: в чем-то он близок к Ломоносову, а в другом — к его

оппоненту (другому своему учителю) Трелиаковскому [29: с. 631]. В конечном итоге Барсов создал, конечно, не школьный учебник, а научную грамматику, и это обстоятельство обесценило труд Барсова в глазах екатерининской комиссии 1780-х гг. Академик М.И. Сухомлинов пишет о работах Барсова, что тот «обнаружил основательное знакомство с филологической литературой... Из русских пособий является на первом плане, и совершенно справедливо, грамматика Ломоносова. В иных случаях Барсов следовал Трелиаковскому, лекции которого слушал в академическом университете» [26: с. 272–273].

Предлагаемая статья не содержит сопоставления объёмов того, что касается наблюдений о вариантах в произношении у авторов XVIII века. Здесь имеется в виду определённый опыт в изучении вариативности произношения, который автор накопил, исследуя русские работы с начала фонетических исследований: труды В.Е. Адодурова, В.К. Трелиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова [6–10]. Учения о стилях произношения, сформулированные Трелиаковским (с опорой на Адодурова) и Ломоносовым, — каждым по-своему — были восприняты их учениками и последователями, среди которых первое место по качеству и богатству представленного материала занимает, безусловно, А.А. Барсов.

В перечень фоностилистических различий у Барсова вошли следующие (порядок практически соответствует их изложению в «Российской грамматике» 1783–1788 гг., а не порядку контроверз, как это было принято позже, в согласных и (отдельно) в гласных фонемах, в произношении отдельных грамматических форм и т. д.). Барсов избрал естественный путь изложения тем друг за другом в зависимости от степени важности их в литературном языке того времени:

- 1) противопоставление [γ] фрикативного и [г] взрывного;
- 2) противопоставление «низкого» произношения ударного [ó] после мягких согласных произношению в той же позиции [é];
- 3) противопоставление произношения [e] и [ѣ];
- 4) противопоставление произношения в «живой» речи, с одной стороны, и в речи книжной, например отдельных грамматических форм.

Заключается обзор общими представлениями о стилях произношения у Барсова и его пониманием рамок грамматики.

Безусловно, к 80-м гг. XVIII в. противопоставление книжного и разговорного стилей произношения (см. об этом [3: с. 22; 4: с. 54–55; 28]) во многом имело вид искусственной поддержки традиций прошлого. То, что считалось произносительными контроверзами в допетровские времена и что пытался восстановить (в количестве 14 пар) Трелиаковский в 1748 г.

(см. [27]), угасало под влиянием культурной секуляризации, введённой в России Петром I.

1. Барсов начинает фоностилистическую тему с различения в литературном языке [г] взрывного и [γ] фрикативного. Во всех трёх барсовских работах этот раздел подан как недостаток гражданской азбуки, где не было утверждённого разграничения фрикативного и взрывного заднеязычного (что для фоностилистики считалось обязательным на протяжении предыдущих двух столетий). Конечно, Барсов знает о предложениях, сделанных Татищевым и Третьяковским для обозначения взрывного [г] (у Ломоносова эта буква тоже названа «га» — см. [15]). Реформа алфавита, проведённая Петром I, не вполне удовлетворила ученых — «пользователей» гражданской азбуки: в ней остались лишние и дублирующие буквы и были такие, как Г, не имеющие определённого звучания (см. [11: с. 8–12]). Недовольным был и А.А. Барсов: «...Буква *г* в разных случаях выговаривается разным образом, именно ж: как латинское (*h*), в словах *Господь*, *господин* и вообще в чтении книжном; или же как латинское (*g*) в словах *глаз*, *говорю* и вообще по большей части в произношении простых разговоров» ([2: с. 88–89]; см. также [1: с. 39]).

Что касается «Российской грамматики», Барсов в ней неоднократно обращается к разнице между [г] и [γ], поначалу в качестве ошибки в петровской азбуке: «...Действительный недостаток оказывается первое в том (т.е. для Барсова это наиболее заметная фоностилистическая контроверза. — *Ж.Г.*), что одною буквою *г* вынуждены мы обозначать два разные голоса, а именно, соответствующие двум латинским буквам *h* и *g*, из которых первый как в азбучном имени сея буквы (глаголь, читалась [γлΛγo'л'] — *Ж.Г.*) один только слышен, так и везде без изъятия в славенских словах и в чтении книг, особливо церковных, выговаривается; на против того другой (*г*. — *Ж.Г.*) несравненно более употребителен в обыкновенных разговорах и собственно в российском языке, так что в оном весьма не многия слова, и то со славенским общия по первому способу произносятся; каковые суть именно: *Богъ*, *благо*, *гласъ*, *Господь*, *Господинъ*, *госпожа*, *богатый*, *убогий*, *когда*, *тогда*, *всегда*, и от них происходящая, на пр. *Богородица*, *благодать*, *согласный*, *господствую*, *богатство*, и еще *богатырь*, *где*, *его*, *всего*, *много*, *твоего*, *нашего*, *вашего*, *какого*, *такого*, *великаго*, и все подобныя сему последнему.

...И хотя еще в древних грамматиках о сем несколько упомянуто было и голос Латинского *g* или Греческой *γ*, изображен был начертанием таким: Γ, только без имени; да и из новейших Словесников российских В. Тре-

диаковский обстоятельно о сем рассуждал, и начертание представлял следующе Г, но без имени ж точнаго, а только на выбор и произвол каждаго предлагая разныя названия, и между прочими *Гамма* и *Га*. Токмо в азбуку оныя начертания не внесены поныне, и в употребление не вошли; сколько сие ни нужно в рассуждении вышепоказанной причины, для различения чужестранных имен необходимости, иногда в российском языке употребляемых, каковыя суть на пр. немецкия *Hertz* и *Görtz*, *Holz* и *Golz*, которые по нынешней российской азбуке одним только образом написаны быть могут, то есть Герць и Гольць (*Hertz* и *Golz*) хотя в немецком языке весьма разнствуют буквами, и произношением» [18: с. 43].

В разделе, посвященном классификации букв (конечно же, звуков) по звонкости – глухости, указаны пары *г – х*, *Г – к* [18: с. 51]. Примеры написаний: *Бохъ, Петербурхъ, роГ, возможиши* = [x]ши [18: с. 59], *Г Богу* [18: с. 60].

2. Ориентируясь на «Российскую грамматику» М.В. Ломоносова, Барсов больше всего примеров приводит в связи с фоностилистическим противопоставлением [ó] ударного после мягких согласных и звука [é] ударного в той же позиции. Для нас ломоносовские материалы означают тенденцию к кодификации *ě*-произношения (как было и с московским аканьем), где на обильных фономорфологических примерах (в произношении разных форм слова) Ломоносов наставляет «книжных людей», как следует произносить [’ó] на месте [’é], последнее звучало в высоком стиле [13: с. 425; 14: с. 597, 599, 600, 608].

В этом ученик Ломоносова Барсов не совсем согласен с демократической направленностью ломоносовской грамматики 1757 г. Ср. у Барсова [2: с. 90]: «...Когда в простонародном произношении выговаривается (*i*^o), то сие почти без изъятия верный знак, что тут должно писать (*e*); напр. *ведет, привел, пришел, лед, мед, орел, веселый, далеко...*». Дальше примеры на диалектное и просторечное произношение [o] на месте заударного [e]: *пишет, сыплется, вылет, выметка*. «...Сии и все подобные сим слова, под ударением рассуждаемых здесь складов силою, во всей России, а без ударения, по крайней мере во многих городах и областях российских, в просторечии выговариваются: *ведi^от, привi^ол, пришi^ол, ли^од, ми^од, ори^ол, весi^олый, дали^ока; пишi^от, сыпли^отся, выли^от, выми^отка*» ([2: с. 90]; см. также [1: с. 41]). Примеры после точки с запятой с безударным [o] взяты из диалектов или просторечия.

Понятно, что в алфавите не должно быть одной буквы *e* на месте двух разных ударных гласных (см. выше о недостатках петровской ор-

фографической реформы): «Недостает также в нашей азбуке начертания для того голоса, которым мы в общих разговорах букву *e* иногда выговариваем, а именно на пр. в словах *медь, ледь, веревкинъ*, и в бесчисленных других; т.е. как тонкое *o*; которым выговор хотя несколько низким почитается, однако ж во многих случаях без него обойтись не можно: почему оный и изображается иногда, не только на письме, но и в печати соединенными буквами *i* и *o* или буквами *ж ь* и *o* как следует: *ми^одъ, ли^одъ, верь^овкин* и проч.» [18: с. 43–44].

Если Ломоносов в «Российской грамматике» 1757 г., приводя обильный материал на *ѣ*-произношение из «простых разговоров» и как бы кодифицируя их, направляет «книжных людей», записывает в виде наставления слова «выговаривают» *i^o*, «говори» *i^o*, «выговаривай» *i^o*, Барсов меньше одобряет такое произношение, проявляет в его отношении, что ли, больше сдержанности: «*E* под ударением, в просторечии, часто переменяется на *i^o*, которая перемена иногда и на письме изображается, т.е. в слоге подобном просторечию, как то в комедии, и проч. на пр. обыкновенно пишется *ледь, лень, медь, мертвь, печь, персть, пестрь, тепль, Петръ, Федоръ, сѣмга, темень, весѣлой, далеко, овѣсь, орѣль, осель, ядрень, Семень*, а говорится *ли^одъ, л^ионъ, ми^одъ, Пи^отръ, Ѳи^одор, Семі^он*, и проч.

В особенности же бывает сие.

1. В самом начале слов, на пр. *i^ожъ, i^олка, i^орзать*, вместо *ежъ, елка, ерзать*.

2. В самом конце слова, или вообще в последнем слоге после самогласной буквы или после безгласной *ь* на пр. *ei^o, moi^o, твоi^o, свои^o, чьи^o, житы^o, копы^o; заi^омъ, приi^омъ, бады^ой, лады^ой, попады^ой, семьи^ой*; вм. *еѣ, моѣ* и проч.» [18: с. 55–56].

В целом следует сказать, что у Барсова именно учебного материала (для учащихся) намного больше, чем в академической грамматике Ломоносова, что и понятно: Ломоносов — один из первооткрывателей и кодификатор явления и примеры на *ѣ*-произношение приведены (напр. в «Материалах к Грамматике») и из диалектов (нередкое явление в северовеликорусских говорах), а перед Барсовым стояла задача систематизировать случаи литературного языка в учебных целях с указанием распространённых ошибок. Он пишет: «(5) Как после сугубствующих согласных, т.е. после *ж, ч, ш, щ*, изошренная *i^o* не разнствует голосом от простой гласной *o*; то сия последняя вместо *ея* и приемлется... на пр.: *жѣлтой, шѣлк...* выговаривается: *жѣлтой, жолтъ, ужѣ приеду, жохъ, шолкъ*, и проч. *шолъ, пришолъ, произошолъ*.

2) Изъятия

(1) Вообще премногия слова, особливо славенския, или российскому языку с словенским общия, также и кроме того другия, из сего исключаются, т.е. удерживают *e* не переменяя на *i* на пр.... *далече, вредъ, смерть, перстень, волшебство, ...исчез, терем...*, ибо не можно сказать *i* *о*сть, *би*оздна, *ври*омя, *дали*оче и проч.» [18: с. 56].

Весь настоящий пункт 2) данной статьи посвящён разнице между [’*ó*] в «простонародном, просторечном» произношении и [’*é*] в «чтении книг, особливо церковных» (т.е. в книжном произношении). Так было в п. 11 «Российской грамматики» 1783–1788 гг. [18: с. 43–44], в пп. 1, 2, 5 [18: с. 55–56]. Об этом сказано выше.

Но при том, что Антон Алексеевич, вслед за своими учителями Тредиаковским и Ломоносовым, различал стиль произношения «в чтении книг, особливо церковных» и т.д., т.е. книжное произношение, с одной стороны, и произношение «в обыкновенных разговорах», где «многие есть отмены» [18: с. 55], он приводит целый раздел с [*é*] ударным («Изъятия») вместо [*ó*] ударного, где ни слова не сказано о фоностилистике (что безусловно исключено в слоге перед мягким согласным).

«(2) В особенности же удерживается *é* без перемены в складу находящемся пред согласными после которых следуют окончания *ie*, или *ьe*, и *ный*, на пр. *спасение*, или *спасенье, воскресение*, или *воскресенье, жжение, учение, произношение, шествие*, и проч. *веселие*, или *веселье, пенье, враждебный, молебный, потрібный, учебный, вредный, лестный, песенный, благословенный, безпечный, смертный, честный*, кроме *душёрстный, разношёрстный*: которыя выговариваются *двушорстный, разношорстный*» [18: с. 56–57].

А между тем книжная окраска свойственна здесь большинству случаев с [*é*] ударным, ср. *воскресение, спасение, жжение, учение, шествие, веселие, молебный, нанесенный, благословенный* и др. Также не замечает Барсов книжной окраски в своих примерах — фонетических вариантах (в следующем пункте):

«(3) Также после *i*, в последнем складу, или на самом конце слова, на пр. *биеть, лиеть, житиё, копиё, сиё*» [18: с. 57].

Вслед за Ломоносовым отмечает Барсов фономорфологические случаи с чередованием *e* / *o*: «То ж когда в словах по обстоятельствам измененных ударение переносится с последнего складу на *e*, составляющее второй склад с конца, на пр. *держу́, дёржишь; тереблю́, терёбишь; терплю́, тёрпишь; женю́, жёнишь; жёнень; шепчю́, шéпчешь; межа́, мэжи, плечé, или плечó, плéчи; слега́, слéги; брегъ,*

брéги; клей, клéю; слезá, слéзы, слí^озы; но бревнó, брéвна, бри^овна; чéсан, чо́сан, пошéптываю, пошóптываю». Следует понимать, что плечé, слéзы, брéвна, чéсан, пошéптываю книжные в своем звучании, и поэтому произносятся на [é], а бри^овна, чосан, пошоптываю, слí^озы относились к разговорному стилю произношения.

Разницу в окраске см. в пп. (6) и (8):

«(6) И еще в следующих измененных же к славенскому языку или высокому слогу принадлежащих словах *возшел, возшед, возшедший, восшествие, низшедший, низшедъ, произошелъ, произошедъ, произошедший».*

«(8) Напоследок собственное имя *Петр*, хотя впрочем и переменяет *é*, на *í^о*; но когда принадлежит высоким особам, то *é* удерживается в произношении, на пр. *Пётръ Великий, Пётръ Втóрый, Пётръ Апóстол, а не Пи^отр».*

3) «Примечания» не имеют фоностилистической окраски, но интересны тем, что выделяют особо «книжный и учебный выговор»:

«(1) Как перемена сия *естя* [род. п. назв. буквы *есть*] на *í^о* зависит единственно от ударения силы на него в книжном и учебном выговоре: то как скоро оное ударение с сей буквы сойдет, так скоро оно остается в своей силе и никак уже на *í^о* перемениться не может, на пр. *ледяной, медовой, мертвá, пестрá, теплá, Петру́, темнá, ядернó, ежá, тремя́, велá, везли́, несло́, шелкóвой, шерóховат, щелочнóй, хорóшее, желтБю́, желтуха, брестí, везтí, вестí, местí:* и проч., а не *ли^одяной, ми^одовый, хорóшое*, и проч. ибо

(2) без ударения такая перемена гласной *е* принадлежит к городскому или деревенскому выговору, на пр. *Пиотров; виолá, ниосло́; желтБл, вéсиол, сýплотся, пáшот, Ивáновичом, в хорóшом*, и проч. вместо *Петрóв, велá, несло́, желтБю́* (пропущено, см. рукопись [18: с. 14–15]), *вéсел, сýплется, пíшет; Ивáновичем, в хорóшем»* [18: с. 57–58].

3. Третья фоностилистическая примета по её роли в литературном произношении, по Барсову, — это различие в книжном произношении [е] и [Ѣ]. Конечно же, в московском литературном произношении это перестало быть актуальным уже в начале XVIII в. М.В. Панов отмечал, что для Барсова различие *е – Ѣ* было уже искусственной поддержкой традиции [17: с. 360]. Такая же искусственная поддержка традиции у Барсова наблюдалась частично в п. 2 данной статьи, посвящённом различению ударных [е – о] после мягких согласных.

Как сказано выше, во вводных абзацах статьи, Барсов в качестве автора учебника для народных училищ заместил перед этим скончавшегося В.П. Светова, и, как продолжателю начатого, по мнению императорской ко-

миссии, дела, Барсову передали для знакомства («если они ему покажутся») «Таблицы о познании букв, о складах, о чтении и правописании» В.П. Светова (1783 г.), что и было частью начатого пособия для школьников. Барсов остался недоволен мнением однокашника своего отца по Академическому университету, «будто у великороссиян *е* и *Ѣ* никакого различия в выговоре не имеют» (у Светова в «Таблицах» сказано: «*е* и *Ѣ* во просторечии у нас совсем не разнятся» ([20: с. 4]; см. также [16–17]); здесь под просторечием понимается обиходная речь). О *е* и *Ѣ* Барсов в старинном духе пишет: «...Сии две буквы в произношении существенную разность между собой имеют, так что, следуя в складе после согласной, (*е*) выговаривается с большим, а (*Ѣ*) с меньшим отверстием уст, и так сказать *острее*» [2: с. 90]. Ничего не сказано о стилях произношения, — ни о книжном произношении, ни об обыкновенных разговорах. В «Азбуке церковной и гражданской...» добавлено: «Приметить сие можно из той противности, которая чувствуется, когда кто выговорит *ныне* чрез *е*, вместо *нынѢ* чрез *Ѣ*» [1: с. 41]. Вместе с тем Барсов считает, что на практике, вследствие неразличения на слух *е* – *Ѣ*, очень часто «неправильно... выговаривают и пишут *Е* вместо (*Ѣ*)» (в «Азбуке» дано много примеров). По поводу мнения В.П. Светова Барсов, возражая, пишет в том же 1783 г. графу Завадовскому, в комиссию, поручившую Барсову написать учебник: «...Можно сказать о многих, но не обо всех великороссиянах; да и те, которые выговор сих букв смешивают, отнюдь не всегда оное делают, но часто, хотя в неведении, но природою российскою водимы, разделяют. Одним словом, есть из великороссиян, умеющие разделять *е* от *Ѣ*; а если кто не умеет, тот может надлежащее о том сведение, между прочими способами, заимствовать и от выговора малороссийского. В рассуждении сего, так как и во многом другом, лучше бы сочинителю таблиц согласоваться с грамматикою господина Ломоносова § 114 и другими всеми, а паче с самым простым рассудком, нежели невежество учителей дьячков и тому подобных безграмотных грамотеев предавать за правило юношеству» [25: с. 255].

Конечно, это не просто научная полемика, здесь несогласие мировоззренческого характера. Петровский переворот в умах (его реформы) почти столетие отзывался в виде ожесточённых споров даже в среде учёных. Академик Сухомлинов отмечает: «В отзывах Барсова слышится обычная в восемнадцатом столетии неприязнь между писателями, избиравшими одинаковые предметы для своих занятий. Ломоносов, Тредьяковский и Сумароков спорили между собою о правописании, о стихосложении и т.п. и писали друг против друга и колкие полемические статьи и более или менее остроумные эпиграммы. Барсов резко

осуждает грамматические правила, предлагаемые Световым; Светов в свою очередь называет нелепым определение существительных, принятое Барсовым в его кратких правилах русской грамматики, предшествовавших составлению обширного руководства» [25: с. 249].

В «Российской грамматике» 1783–1788 гг. приведена классификация гласных, в том числе *е* и *Ѣ*, и по ней видно, насколько объективно можно было дифференцировать фонемы <*е – Ѣ*>. Имеются «гласныя отверстия, которыя с бѣльшим, и полуотверстыя, которыя с меньшим рта растворением произглашаются...

Отверстыя: э, иногда *е*...

Полуотверстыя: *Ѣ*, и иногда *е*...» [18: с. 44–45].

«13. Еще поставлена *есть* (*е*) в числе полуотверстых гласных, как одногласный с *ятем* (*Ѣ*) по причине малоразнствующаго сих букв произношения чистаго на пр.: в словах с одной стороны *Ѣхать, подѢздь, в пить Ѣ, о здорвь Ѣ*, а с другой *един, объемяю, питьѣ, здорвьѣ*.

(15) ...В растворенном произношении, т.е. после согласных, сии буквы одна от другой различествуют, особливо в порядочном чтении, а у Малороссиян и в просторечии, так что написанныя сими буквами, сходныя впрочем слова, не для глаз только различаются, но и для слуха выговариваются разнo, на пр. *пѣню* и *пѢню*, *пеные* и *пѢные*, *плен* и *плѢнь* и проч.» [18: с. 49].

4. Верность и преданность Барсова исследованиям Ломоносова проявилась в описании московского произношения — в особенности там, где у Ломоносова были непримиримые оппоненты. У Ломоносова в высокой книжной речи приведены окончания прилагательных муж. р. церковнославянского происхождения *-ый, -ий*: *богoвдохновенный, тяжкосердный, вышний даде глас свой* [14: с. 661–662]. В живой же речи он слышал заударные *-ой* и *-ей* (конечно, с редуцированными гласными), причем таких примеров у Ломоносова неизмеримо больше: в им. п. муж. р. *белой, верченой, ветхой, кислой, пряной и нищей, певчей, прохожей, проежжей. свежей хлеб* и др. [14: с. 597, 599, 603, 604, 609, 616, 617, 619, 626, 634, 675 и др.]. Позже ученик и последователь Ломоносова В.П. Светов так прокомментирует эту часть ломоносовского труда: «Думать можно, что сочинитель Российской грамматики принял оное (т.е. *-ой, -ей*) единственно от простого и обыкновенного выговора» [19: с. 23]. Со стороны Ломоносова ощущается стремление подвести к кодификации факты живого московского общепринятого произношения. С Ломоносовым спорили Третьяковский и Сумароков. Для В.К. Третьяковского окончания *-ой* и *-ей* характеризовали «низ-

кий наш выговор», подобные варианты были не чем иным, как «порчей языка», поскольку понимает «всяк, применившийся к природе славенщизны, что сим некоторые подражают, из числа которых и себя не выключая, самому низкому нашему выговору... и потому нежнейший (т.е. устный, живой. — Ж.Г.) московский говор необходимо признает такие *о* как *а*, для того, что они не ударяемы, то есть вместо **добр^{ой}**, **добр^{ай}**, вместо **великой**, **велика^й**» [27: с. 207]. В отличие от Ломоносова, у Третьяковского (после 1746 г. до конца жизни) существовало упорное желание сохранить церковнославянское окончание в качестве единственного варианта «благородного, чистого языка», «общего нашего выговора».

Сумароков неоднократно ополчался на заударные окончания *-ой*, *-ей* в именах прилагательных, порядковых числительных в им. п. муж. р., которые были в широком употреблении у Ломоносова. Это был случай, когда холмогорский говор в произношении данной грамматической формы совпал с московским, так что молодому Ломоносову (с начала 1730-х гг.) в этой части не пришлось в древней столице переучиваться. Согласно известной реконструктивной работе А. Грандиловского «Родина М.В. Ломоносова. Областной крестьянский говор» (1907 г.), холмогорцы говорили в им. п. муж. р. *синей*, *весенней*, *третьей*. Различия в говоре с москвичами были в этой теме, может быть, в деталях [17: с. 432]. А Сумароков в начале 1770-х гг. пишет по поводу ломоносовского употребления (Михаила Васильевича уже не было, мнение учителя отстоял Барсов): это означает «углубляться в простонародную порчу» (см., например, [22: с. 28]), хотя, по всем данным, для московского говора XVIII века такое произношение было обычным явлением. Сумароков продолжает: «Удивительно мне, что г. Ломоносов, возненавидев литеру *и*, часто ее заменял во литеру *е*, например вместо *достойн*, *достоен* и проч., вместо *бывший*, *бывшей* и проч., чему ныне многие без размышления и без разбора следуют и что наши потомки конечно истребят, ибо сие нововведенное правило не имеет основания ни на свойстве языка, ни на древних книгах, ни на употреблении (см., однако, у Ломоносова и у Барсова. — Ж.Г.), а единственно на произволении г. Ломоносова и на почтении к нему его последователей, или паче сказать на сем правиле, что г. Ломоносов был академик... Г. Ломоносов родом не москвитянин; так его произношение московское часто обманывало, и претворял он ради того литеру *и* в литеру *е*, что у москвитян во окончаниях литеры *и* несколько в *е* претворяется (употребление! — Ж.Г.), как еще больше литеры *о* в литеру *а*...» [22: с. 28]. Все-таки это была московская черта, в чём признаётся москвич Сумароков: «...Литера *и* в московском наречии иногда переменяется в половину *е*, отчего, не зная нежности

(т.е. устных особенностей. — Ж.Г.) московского наречия, г. Ломоносов и во Грамматику свою внес ее в таковых местах литерою *e*, что, к удивлению моему и к порче языка, неискусными писателями, которых число велико, и употребляется и что бы г. Ломоносов из своей Грамматики конечно исключил, ежели бы еще несколько пожил. Например вместо *Антоний, Василий, Григорий, летний, прекраснейший: Антоней, Василей, Григорей, летней, прекраснейшей* и проч.» [22: с. 16–17]. Согласившись, в соответствии с употреблением, что [и] заударное в финали (как бы мы сегодня сказали) ниже по подъему языка и несколько отодвигается назад по ряду в образовании, Сумароков вместе с тем был склонен считать, что этот заударный гласный в составе финали звучит ближе к Ъ, чем к *e* (что было натяжкой, поскольку к этому времени московский «нежный» говор уже утратил разницу между *e* и Ъ): «Вместо *летний – летней* ввел г. Ломоносов, а то, как и ево Грамматика, привело множество людей во глубину невежества. Лутче бы писати *летнѢй*, ибо Ъ тоняе выговаривается, а *e* и в начертании худо, а в произношении таковых речений еще хуже» [22: с. 36–37].

Ясно, что замена в рекомендациях Ломоносова (*-ей* в финали вместо *-ий*) вызвана фактами московской обиходной речи. Однако Сумароков обвинил покойного Ломоносова в протаскивании в литературный язык черты холмогорского говора: «...По причине, что он московское наречие в холмогорское превратил, вошло в нее [Граматику] множество порчи языка. Например, вместо *лутчий – лутчей*; следовательно склонения прилагательных перепорчены...» [23: с. 39]. И еще: «Когда мы писывали *лутчей* вместо *лутчий*... и должно ли на холмогорском наречии составлять правила грамматическая? А из сего выходит то, что г. Ломоносов не знал благородного московского наречия, а еще меньше имел он понятия о грамматике, которой ныне все незнающие люди слепо повинуются, то только доводом имея: так де Грамматика гласит; не язва ли это и не поветрие нашему прекрасному языку?» [24: с. 57]. Вместе с тем в орфографической практике самого Сумарокова нередко записи типа *крайней невежа, был он удостоен* (см., например, [21: с. 150, 159]). Позже, конечно, защитит Ломоносова и Е.Ф. Будде, и М.В. Панов, и Б.А. Успенский, и др. Но именно в наполненное спорами и несогласием время сторону Ломоносова принял москвич А.А. Барсов: «(2) Двоегласная *ий* в конце слов переменяется

а) на *ей* на пр. *прежней, синей, бывшей, бóльшей, Василей, Григорей*; вместо *прежний, синий, бывший, бóльший, Василий, Григорий*.

б) на *ой*, на пр. *великой, крепкой*, вместо *великий, крепкий*; особенно ж под ударением, как *нагой, сухой*, вместо *нагий, сухой*».

«(3) Подобно сему доегласная *ый* в конце слов переменяется на *ой* на пр. *чистой, славной*, вместо *чистый, славный*, особливо под ударением, на пр. *святой, прямой* вместо *святой, прямой*» [18: с. 58].

О других наблюдениях над живой речью как ломоносовской традиции. Как и окончания прилагательных, неличных местоимений, порядковых числительных, финали в именах собственных, многое другое было перенесено Барсовым в свой труд из наблюдений над тогдашним «нежным» произношением. Сюда относится безусловно кодифицированное по основному говору в России аканье: «4. *О*, когда на нем нет ударения, по Московскому выговору переменяется на *а*, на пр. *отец, хател, гаварить, возможна, Анисим* вместо *отец, хотел, говорить, Онисим*» [18: с. 58]. У Барсова ниже приведены многие примеры аканья из распространенных орфографических ошибок того времени. Такое изучение произношения из малограмотного письма как метод применялся в нашей фонетике до Барсова и очень долго после, например у В.А. Богородицкого. Третьяковский и Сумароков до Барсова обратили внимание на орфографию женских писем.

У Третьяковского это было связано с фонетическим принципом, который он считал главным в письме: «...Ежели б у нас несколько господ сделались авторами, ...то б скорее правильнейшая сия орфография ввелась, ...ибо я приметил из некоторых дамских писем, что оне больше наблюдают звоны в составлении своих слов, хотя некоторые из них и производят за надлежащие пределы сии звоны тем, что звоны ставят точного, подлинного своего выговора, каким оне составляют некоторые слова, но составление сие бывает иногда неисправное. например, *миласливая* вместо *милостивая* и прочие» [27: с. 191]. Язвительно писал на эту тему А.П. Сумароков (1771–1773 гг.): «Женщины наши по большей части никакова правописания не наблюдают и пишут как ни попало. Например *Матушка мая галубушка нажалуй атпиши ка мне душа мая, где ты купила вчерашней градитур*, а иногда и *гарнитул*» [22: с. 30–31]. Хочется отметить, что у Третьяковского и Сумарокова на сплошном фоне аканья в 1-м предударном слоге (как и у Ломоносова) есть по одному примеру заударного аканья. Вот как раз ошибочные написания как примеры заударного аканья во множестве приводит Барсов: «...Сия перемена подала случай к ложным окончаниям в некоторых словах на пр. *прóса, пу́за*, и проч. вместо *просо, пузо*. (2) Впрочем по видимому от сегож произошли следующие окончания на *а* в просторечии: *нашева, вашева, какова, такова*, також *великова, знатнова, божьева* и проч. из неупотребительных *нашево, вашево, како́во, божьево* вместо настоящих *какого, такого, нашего, божьего* и проч.» [18: с. 58]. Тут Барсов выступает как сторонник книжного, побуквенного произношения окончаний *-ого, -его, -яго*.

Аканье — это неразличение безударных <о> и <а>, поэтому у Барсова есть и обратные примеры, показывающие неразличение:

«(5) В предложенных непосредственно пред сим примерах видны также следующие перемены:

(1) Обратно гласной *a* на *o* (т.е. противоречие между правописанием и акающим произношением. — Ж.Г.), а именно в словах: *великого, знатного* и проч. то ж и в премногих им подобных, в том числе и *Царского, Императорского*, хотя впрочем оное не весьма употребительно» [18: с. 58]. Произношение [ʼа] заударного привлекло внимание Барсова (как фоностилистика примета) на примере окончаний род. п. муж. и ср. р.: «(2) Я на *e* в слове низкого употребления *божьева* или *божьево*, вместо *божьего*, а сие вместо настоящего: *божьяго*» [18: с. 58].

В духе § 98 ломоносовской Грамматики 1757 г. сказано у Барсова о «переходе» в живой речи *и* в *ы* в словах, в особенности после предлогов и приставок на согласную. Но Ломоносов всё же пишет иначе: «Сие произношение больше употребительно в обыкновенных разговорах» [13: с. 457]. Фоностилистика у Барсова нет, к тому же неясно, как может «превращенная» гласная [ы] оказаться в двух словах: «...И (отверстая гласная) (обычное [и] у Барсова называется «полуотверстой гласной», см. [18: с. 45]. — Ж.Г.), следуя непосредственно после *ъ*, от предыдущей согласной... не отделяется, но сливаясь с ней производит голос *ы* (у Барсова как раз *ы* относится к отверстым гласным. — Ж.Г.), как в одном слове, так и в двух [?] на пр.: *предъидет, отъискать, в избе, ходит и к нам*, выговаривается точно: *предыдет, отыскать, вызбе, ходитыкнám*». Справедливо сказано ниже: «Слитие... гласной *и* с безгласною *ъ* в показанном пред сим случае, который первый приметил Г. Ломоносов...» [18: с. 53–54].

Нет у Барсова фоностилистика у Барсова в случаях (парах): *боишься – бойсся, кто – хто, что – што, к Богу – х Грамотам, зжал – жжал, исчезли – ищезли* (т.е. [ш'ч']). — Ж.Г.), *бесчиние – бециние* (т.е. [ш'ч']), *исшерсти – ишь шерсти, зъ жаром – жъ жаром* [18: с. 60–61].

Нет фоностилистика у Барсова и к случаям: «пишется *к кому, к какому, к королю* выговаривается: *х кому, х какому, х королю*» [18: с. 61]. Возможно, перед нами литературная норма, поскольку это расподобление дожило и до начала XX в.

5. Заклучим обзор Грамматики Барсова общими вопросами, которые вполне понятны на фоне рассмотренных проблем.

Вопрос о стилях произношения решен вполне в духе Трелиаковского (1746 г. и позже):

«а) Правило общее.

В чтении книг, особливо церковных, и в предложении речей изустных, особливо духовных поучений и проповедей, каждая буква произносится так, как то выше сего и показано...

Примечание.

В обыкновенных разговорах многие есть отмены (т.е. изменения вышеприведённого правила. — Ж.Г.) больше и меньше позволительныя, т.е. к общему учтивому или к низкому и невежескому выговору принадлежащая...» Сам Барсов не распределил примеров по этим двум категориям, но второе, думается, относится к случаям *божьева* (вм. *божьяго*), *нашева* и т.д., *прóса* (им. п.) («настоящими»), по Барсову, были варианты произношения *какого, нашего*.

Хотя Барсов в «Российской грамматике» 1783–1788 г. в ряде случаев идет дальше Ломоносова — подробнее трактует морфологию и дает обширный синтаксический раздел (что у Ломоносова сделано недостаточно — см. [12: с. 68–75]), Барсов так понимает предмет грамматики: «Российская грамматика есть наука, или знание исправно читать, говорить и писать на российском языке по лучшему и рассудительному его употреблению» [18: с. 39]. Не деля грамматику на «уровни», или «системы», Барсов в определении делал явное предпочтение нормативности (лучшее и рассудительное «употребление» в чтении, устной речи и письме). Не сказано тут и о жанрах устной и письменной речи, где бы можно было предложить образцовые тексты. А между тем А.П. Сумароков в своих грамматических заметках 1770-х гг. включал в состав этого предмета в первую голову «словопроизвождение», словоизменение и синтаксис.

Литература

1. [Барсов А.А.] Азбука церковная и гражданская с краткими примечаниями о правописании / А.А.Барсов. — М.: Тип. М. Лернера, 1768. — 81 с.
2. [Барсов А.А.] Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях имп. Московского университета [1771] / А.А. Барсов. — 8-е изд. — М.: Тип. Имп. Московского ун-та, 1802. — 161 с.
3. Бодуэн де Куртэне И.[А.] Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка / И.А. Бодуэн де Куртэнэ. — Вып. 1. — Воронеж: Отдельный отд. из «Филологич. записок», 1882. — 57 с.
4. Бодуэн де Куртэне И.А. Опыт теории фонетических альтернатив / И.А. Бодуэн де Куртэнэ // Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию. — Т. I. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 265–347.
5. Будде Е.Ф. Несколько заметок из истории русского языка. (По поводу акад. издания соч. Ломоносова с примечаниями М.И. Сухомлинова) / Е.Ф. Будде // Журн. Мин-ва нар. просвещ. — Ч. CCCXVI. — 1898, март. — С. 211–235.

6. Ганиев Ж.В. Закономерности русского произношения, описанные грамматиками XVIII века / Ж.В. Ганиев // НДВШ. Филологические науки. – 1973. – № 4. – С. 86–94.
7. Ганиев Ж.В. В.К. Третьяковский и проблемы литературного произношения в XVIII веке / Ж.В. Ганиев // Русская речь. – 1976. – № 2. – С. 24–29.
8. Ганиев Ж.В. Первые свидетельства о вариативности русского общепринятого произношения (XVIII в.). Борьба вокруг нормы / Ж.В. Ганиев // Вестник МГПУ. Филологический выпуск. – 2004. – № 2 (7). – С. 27–40.
9. Ганиев Ж.В. Спор и опровержение как филологическое кредо А.П. Сумарокова / Ж.В. Ганиев // IX Международные Виноградовские чтения (МГПУ). – Функционирование языка и речи / Отв. ред. Е.Ф. Киров. – М.: МГПУ, 2006. – С. 284–294.
10. Ганиев Ж.В. М.В. Ломоносов: Русское произношение должно рассматриваться двоякое — простое и ораторское / Ж.В. Ганиев // Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы. – М.: МГПУ, 2006 .
11. Григорьева Т.[М.] Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.) / Т.М. Григорьева. – М.: Изд-во «ЭЛПИС», 2004. – 456 с.
12. Кузнецов П.С. У истоков русской грамматической мысли / П.С. Кузнецов. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 76 с.
13. Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. – Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389–578.
14. Ломоносов М.В. [Материалы к «Российской грамматике»] / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. – Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 595–760.
15. Ломоносов М.В. О сомнительном произношении буквы Г в русском языке / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. – Т. 8. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 261–263.
16. Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Ред.-сост. Э.П. Карпеев. – СПб.: Наука, 1999. – 258 с.
17. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / М.В. Панов; отв. ред.: Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1990. – 456 с.
18. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / А.А. Барсов; подгот. текста и текстологический комментарий М.П. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 632 с.
19. [Светов В.П.] Опыт нового русского правописания, утвержденный на правилах Российской грамматики и на лучших примерах российских писателей / В.П. Светов. – 2-е изд. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1787. – 73 с.
20. [Светов В.П.] Таблицы о познании букв, о складах, о чтении и правописании / В.П. Светов // [Фельбигер И.И.]. Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской Империи, изданное по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второя. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1783. – V + 29 с.

21. Сумароков А.П. О пребывании в Москве Монброна / А.П. Сумароков // Полн. собр. соч. ... А.П. Сумарокова / Собр. и изд. ... Н. Новиковым. – 2-е изд. – Ч. X. – М.: изд. Новикова, 1787. – С. 145–164.
22. Сумароков А.П. О правописании / А.П. Сумароков // Полн. собр. соч. ... А.П. Сумарокова / Собр. и изд. ... Н. Новиковым. – 2-е изд. – Ч. X. – М.: изд. Новикова, 1787. – С. 8–25.
23. Сумароков А.П. Примечания о правописании / А.П. Сумароков // Полн. собр. соч. ... А.П. Сумарокова / Собр. и изд. ... Н. Новиковым. – 2-е изд. – Ч. X. – М.: изд. Новикова, 1787. – С. 30–45.
24. Сумароков А.П. О стопосложении / А.П. Сумароков // Полн. собр. соч. ... А.П. Сумарокова / Собр. и изд. ... Н. Новиковым. – 2-е изд. – Ч. X. – М.: изд. Новикова, 1787. – С. 46–59.
25. Сухомлинов М.И. Очерк жизни и трудов профессора Барсова / М.И. Сухомлинов // Сухомлинов М.И. История Российской академии. – Вып. 4. – СПб.: изд. Имп. АН, 1878. – С. 186–298.
26. Сухомлинов М.И. Русская грамматика Барсова / М.И. Сухомлинов // Сухомлинов М.И. История Российской академии. – Вып. 4. – СПб.: изд. Имп. АН, 1878. – С. 271–298.
27. Третьяковский В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи [1748] / В.К. Третьяковский // Третьяковский В.К. Сочинения. – Т. III. – СПб.: изд. А. Смирдина, 1849. – XII+ 316 с.
28. Успенский Б.А. Книжное произношение в России: дис. ... докт. филолог. наук / Б.А. Успенский. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1971. – 571 с.
29. Успенский Б.А. О «Российской грамматике» А.А. Барсова (1783–1788 гг.) / Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избр. тр. – Т. III: Общее и славянское языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 1997. – С. 351–398.
30. Успенский Б.А. Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд) / Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избр. тр. – Т. II: Язык и культура. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – С. 60–89.

Zh.V. Ganiev

Diglossia on the Wane: Professor A.A. Barsov on the Variations in Literary Pronunciation

The article looks into the little-known period in the evolution of Russian standardized pronunciation, namely the guidelines outlined in A.A. Barsov's works among which is his recently published "Russian Grammar" (written in 1783–88). The clash between sacral and mundane approaches to culture resulted in variations in pronunciation which in its turn called for normalization. In analyzing this process A.A. Barsov develops ideas which were first introduced by V.K. Trediakovsky and M.V. Lomonosov.

Key words: diglossia in XVIIIth-century Russia; A.A. Barsov; registering authentic Russian pronunciation in the XVIII century; conservative approach to literary pronunciation in the XVIII century.